

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

Долгое время бурная социальная динамика 1930-х гг., трагедия тотальной Отечественной войны, яркие новации хрущевской «оттепели» отвлекали внимание исследователей и общественности от, казалось бы, статичного инерционного развития страны в последние годы сталинского правления. До начала 1990-х гг. в коллективной памяти населения СССР и в отечественной историографии этот период оставался одним из наименее изученных и проблематизированных. По понятным идеологическим мотивам в отечественной историографии не рассматривался феномен сталинизма как таковой, замалчивались ключевые события послевоенной социальной, политической и культурной истории. Фигурами умолчания были механизмы принятия политических решений, реалии экономического и культурного развития, социальные и дипломатические проблемы, репрессивные акции власти и множество других вопросов. Работы о восстановлении хозяйства, системе образования или внешней политике публиковались регулярно, в учебной литературе сформировался канон описания послевоенного десятилетия, однако «доперестроечные» публикации очень часто представляли собой не критическую рефлексию, а манифестацию идеологических и политических установок.

Причиной тому были не только негласные запреты на дискуссии о феномене личности И. Сталина и сталинизме. На положении дел в историографии сказывалось состояние системы гуманитарного знания в целом (закрытость архивов, идеологическая цензура, архаизм методологии, невозможность свободных научных обменов, полемики и т.д.). Кроме того, недооценка масштаба перемен в Европе и в мире, обусловленных событиями 1945 – сер. 1950-х гг., была характерна и для западной историографии. На это обстоятельство обратил внимание итальянский историк Д. Боффа в книге по истории Советского общества, впервые опубликованной в СССР в 1990 г. В одной из глав его двухтомника ставились вопросы комплексной реконструкции истории послевоенного сталинизма и пересмотра роли этого периода в трансформации советского общества. Он говорил о событиях тех лет как о «революционном перевороте», не оцененном «в полном масштабе исторической критической мыслью» [Боффа Дж. 1990, 251]. О справедливости этого вывода говорит и тот факт, что до конца 1980-х гг. в англоязычной историографии всего несколько работ рассматривали вопросы, связанные с послевоенным развитием СССР [Schlesinger R. 1947; Swayze H. 1962; Hahn W. 1982]. Западные эксперты имели все основания и в 1990-е гг. characterizo-

вать состояние историографии позднего сталинизма как «безжизненную пустыню» [*Duskin E.* 2001].

Ситуация стала принципиально меняться с рубежа 1980 – 1990-х гг., когда российские и зарубежные историки «вдруг» обнаружили новое исследовательское поле – восемь лет позднего сталинизма. Оказалось, что пережитые тогда советским обществом трансформации до сих пор не осмыслены и не концептуализированы. Рамки данного издания не позволяют детально и полно охарактеризовать историографию вопроса. Поэтому далее речь пойдет о наиболее этапных исследованиях отечественных и англоязычных историков, опубликованных за последние 20 лет. И о некоторых тенденциях в развитии историографической ситуации с изучением позднего сталинизма.

Рубежным в привлечении внимания исследователей к истории этого периода стал 1993 г., когда были опубликованы монографии Е. Зубковой [*Зубкова.Е.* 1993] и О. Лейбовича [*Лейбович О.*1993]. В них основное внимание уделялось эпохе хрущевских реформ, однако в отдельных главах подробно анализировались события послевоенного десятилетия. Обе книги опирались на опубликованные материалы, на только что открывшиеся архивные фонды и «неклассические» источники – художественную литературу, данные устной истории. Эти издания были опубликованы в условиях институционального кризиса советской академической и вузовской науки, краха научного книгоиздания, и, тем не менее, «прозвучали», были замечены специалистами и критикой. В первую очередь это касается работы Е. Зубковой. В той публикации были поставлены новаторские для отечественной историографии вопросы реконструкции реалий повседневной жизни эпохи сталинизма и социальной психологии общества, травмированного войной. В частности, произошло «явление фронтовиков народу»: была предпринята попытка осмыслить трагическую судьбу советских комбатантов как несостоявшегося сообщества и потерянного поколения.

Шлюзы открылись. Послевоенная эпоха постепенно стала популярнейшим исследовательским полем. За последние 15 лет число научных форумов, диссертаций, монографий, публикаций документов, «глянцевой» беллетристики, посвященных позднему сталинизму, только в российском научном пространстве превысило три сотни. Этот историографический бум отличается рядом особенностей.

Во-первых, кардинально изменилась источниковая база исследований. Произошла «архивная революция» в России, в ходе которой историки получили доступ к ранее закрытым материалам, таким как документы высшего политического руководства и лично И. Сталина, архивы партийных инстанций, идеологических ведомств, отраслевых учреждений, силовых структур. Принципиально важно, что многие документальные коллекции

из фондов центральных и местных архивов были опубликованы и стали доступны не только экспертам, но и любому заинтересованному читателю [*«Особая папка»*, 1994; *«Особая папка»*, 1996; *Москва послевоенная*, 2000; *Политбюро*, 2001; *Специальные лагеря*, 2001; *Политбюро*, 2002; *Советская жизнь*, 2003; *Сталин и космополитизм*, 2005; *Гулаг: экономика принудительного труда*, 2008].

Дефолт официальной историографии, открытие государственных и ведомственных архивов, осознание обществом того факта, что для «большой» истории огромное значение имеет история глазами человека «маленького» способствовали формированию «народного архива». Под таким названием в Москве был реализован исследовательский проект и открыт центр документации «народной» памяти о советской эпохе [*Центр документации*, 1998]. Воспоминания, дневники, хроники, созданные «простыми людьми», позволили взглянуть на реалии послевоенного времени совершенно по-новому. В академических и университетских центрах стала развиваться «устная история», без которой многие детали, смыслы и значения прошлого реконструировать в принципе было невозможно. «Архивная революция» сама по себе является историографическим феноменом, интерпретации которого уже появились в профессиональной периодике [*Raleigh D.* 2002; *Lynne V.* 2002].

Во-вторых, тематическая палитра современной историографии позднего сталинизма стала намного богаче по сравнению с историографической ситуацией «доперестроечного» времени. Послевоенный голод [*Зима В.Ф.*, 1996], холодная война [*Сталинское десятилетие*, 1999], уровень жизни населения [*Волынцев В.А.*, 2002; *Попов В.П.*, 2002], этнополитика [*Государственный антисемитизм в СССР*, 2005; *Белковец Л.П.*, 2008; *Люстигер А.*, 2008], советизация стран Балтии [*Зубкова Е.Ю.*, 2008], гендерные проблемы [*Fitzpatrick Sh.*, 2005, 240 – 261], идеологические акции власти [*Фатеев А.В.*, 1999; *Есаков В.*, *Левина Е.* 2001], репрессированные социальные группы [*Полян П.М.*, 1996 и 2002; *Суржикова Н.В.*, 2006], специфика политической культуры [*Беда А.М.*, 2002] и многие другие аспекты послевоенной истории стали объектами профессионального интереса историков.

В-третьих, в изучении столь различных феноменов обозначилось два полюса внимания исследователей. На одном – власть во всех ее проявлениях, будь то механизмы принятия решений, состояние элит, реализация политических кампаний управленческие и психологические аспекты политического лидерства. На другом полюсе – советское общество, во всем многообразии социальных практик и стратегий советского человека.

Для очень многих экспертов непреложной истиной является убеждение в том, что ключ к пониманию послевоенного периода надо искать в области политической истории. Так авторитетный исследователь А. Данилов, размышляя о достижениях историографии

последних лет, утверждает: «Центральное место в послевоенной истории сталинизма занимает вопрос о том, в каком направлении эволюционировала политическая система страны, какое место в этих переменах занимал сам ее создатель и вождь, какое влияние на развитие ситуации оказывали межличностные отношения высших лидеров страны, изменилось ли что-то в отношениях власти и общества после победы в Великой Отечественной войне» [Данилов А.А 2007, 275].

Безусловно, за последние годы было совершено немало открытий в «сталиноведении», «кремлюнологии», в изучении политических элит, политэкономии сталинизма. Особого внимания заслуживает разработка исследователями проблемы взаимодействия центральных и региональных властей, реконструкция механизмов реализации на местах столичных директив и указаний. Разработку проблематики позднего сталинизма в провинциальном измерении можно считать одним из самых значительных достижений историографии последних лет [Исмаилов Э.Р. 2003; ЦК ВКП(б), 2004; Коновалов А.Б., 2005].

Но еще более впечатляющий прорыв был совершен, как мне представляется, на стыке политической и социальной истории. Подобный методологический синтез имеет принципиальное значение для анализа не только послевоенного сталинизма, но и советской истории в целом. Обнаружилось, что советское общество не сводимо к простым схемам и объяснительным моделям (таким, как тоталитаризм или ревизионизм). Оно представляло собой сложную целостность, образованную политическими институтами, идеологическими доктринами, а также системой взаимосвязанных ценностных установок, ментальных и поведенческих стереотипов, влияющих на все аспекты советской жизни. В этой экосистеме (определение американской славистки К.Кларк) все взаимосвязано со всем – решения политических элит с бюрократическим произволом на местах, экономика с художественными процессами, внешняя политика с повседневностью.

И приращение знания здесь возможно только при совместных усилиях гуманитариев разных дисциплин – политологов, социальных историков, литературоведов, психологов, семиотиков. Без учета методологий разных отраслей знания трудно дать убедительную характеристику послевоенной эпохе и определиться с тем, была ли она апогеем, «высшим» сталинизмом, или же представляла собой кризисную стадию дряхлеющего режима и начало перемен.

В конечном счете дискуссии о сталинизме сводятся к проблеме «субъекта» советской истории, проблеме соотношения намерений власти и элит с интересами и стратегиями индивида. Был ли «советский человек» (представитель номенклатуры, городской обыватель, лицо творческих профессий, демос городов и деревень) беспринципным приспособ-

собленцем-«совком», изворотливым лицемерным «гомососом» или же заслуживающим уважения актором социальных процессов?

Полемика о советском субъекте стала одним из самых эвристичных направлений современной историографии. Задача реконструкции картины мира человека эпохи позднего сталинизма, изучения мотивов его действий, в которых противоречиво сочетались вера и скептицизм была поставлена в публицистической книге К.Симонова «Глазами человека моего поколения» [Симонов К.М. 1990]. В дальнейшем к этой проблематике обращались многие отечественные и зарубежные исследователи [Козлова Н.Н. 1996; Хархордин., 2002; Hellbeck J., 2006].

Первоначально, в условиях разрушающихся канонов советской официальной историографии «стигматизация больших масс людей оказалась ставкой в символической борьбе интеллектуалов». [Подробнее см.: Козлова Н.Н., 2005]. Позднее исследователи отказались от эмоционального навешивания ярлыков и простых схем в пользу спокойной аналитической работы с источниками. Историки должны были «остыть», забыть прокурорский тон, сосредоточиться на многофакторном анализе и интерпретации событий прошлого. Фундаментальной для изучения истории сталинизма оказалась проблема обратной связи общества и власти. Существует ли она в условиях авторитарных политических режимов? Каковы механизмы репрезентации общественного мнения в условиях, когда формальные институты социологического мониторинга отсутствуют? В каких источниках искать следы социальных девиаций и недовольства? Оригинальные концептуальные ответы на эти вопросы были предложены в диссертационном исследовании и второй монографии Е. Зубковой [Зубкова Е. Ю., 2000], цикле работ Н.Козловой и других авторов. Выяснилось, что «обычный человек», даже если он стоит на низших ступенях иерархии и играет по правилам, не им заданным, то он все равно «прогибает» эти правила под себя, выживает в предлагаемых ему обстоятельствах и, тем самым, влияет на социальный процесс, участвует в нем [Козлова Н.Н. 2005].

Повседневная жизнь открылась как пространство диффузии идеологии, политики и жизненных стратегий человека. Повседневность политическая, художественная, научная, хозяйственно-бытовая впервые стала объектом пристального изучения, что позволило начать давно назревшее обсуждение вопроса о том, возможна ли частная жизнь и свобода выбора в условиях сталинского «социализма». Сталинизм в повседневном контексте предстал сложным многоуровневым социальным пространством, в котором на фоне невыносимых бытовых тягот и социально-психологических ожиданий «компенсации» за победу, доставшуюся невероятно дорогой ценой, начинается «эмансипация номенклатуры», идет

борьба за статусные позиции и символический капитал, нарастает отчуждение населения от идеологических деклараций. В целом, зреют «ферменты разложения» системы, без которых инновации времен хрущевской оттепели были бы невозможны [Зезина М.Р., 1999; Пыжиков А.В., 2002; Лейбович О.Л., 2005; Эжитут С.А., 2006; Кефнер Н.В., 2006;]. Начинается брожение умов, выразившееся не только в оппозиционных настроениях, но и в снижении жертвенности, сомнениях и критическом скептицизме по отношению к советским реалиям [Фирсов Б.М., 2008]

Комплексное внимание к повседневным, психологическим, политическим, экономическим аспектам определило успех ряда проектов и публикаций, посвященных вопросам культурной истории позднего сталинизма. Среди них – исследования советских творческих союзов [Tomoff K., 2006;], патрон-клиентских отношений в мире художественной культуры [Tolz V., 2002], сталинских премий [Baudin A., 1997, Ивкин В.И., 2008], художественных предпочтений вождя [Громов Е.С., 2003], «культы личности» Сталина [Plamper J., 2001], художественных практик в годы позднего сталинизма [Добренко Е. 1990; 2007].

Помимо масштабного освоения новой тематики, историки опробовали новые методы и стратегии исследования. Едва ли не самым значительным изменением в историографической ситуации стало утвердившееся методологическое и концептуальное многоголосие.

Популярностью у западных и российских историков пользовалась модель «большого отступления» для интерпретации внутривластного курса и массовых настроений эпохи позднего сталинизма. Подобного рода теории подразумевают, что в обществе окончательно иссяк пафос революционных преобразований, в нем возобладали традиционные, консервативные ценности и имперские приоритеты [Dunham V. 1990; Brandenberger D. 2002; *Stalinism and the «Great Retreat»*, 2004].

Поколенческий подход, когда-то заявленный Е.Зубковой, получил дальнейшее развитие в работах Е. Сеньявской, исследовательских проектах омской историографической школы, в издательских программах Ассоциации историков XX в. [Сеньявская Е.С., 1995; *Историки России: Послевоенное поколение*, 2000; Сидорова Л. А. 2002, 38 – 53].

«Пространственный», «лингвистический», «визуальный», «гендерный» и другие «повороты», обогатившие методологический арсенал исторического знания в конце XX – начале XXI вв., послужили стимулом для многих оригинальных исследований позднего сталинизма. Этот период в истории советского общества получил всестороннюю репрезентацию в публикациях об особенностях визуальной культуры [The Landscape of Stalinism. 2003]; системы изобразительного искусства [Reid S. 1996, Янковская Г.А., 2007], послево-

енном детстве и школе [*Ромашова М.В.*, 2006, *Чащухин А.В.*, 2006. *Гансон Н.*, 2006], слухах [*Late Stalinism*. 2006], идеологических кампаниях. Как правило, в них даже сугубо политические вопросы рассматривались в тесной связи с проблемами социальной психологии и повседневности. Усилиями российских и западных исследователей удалось аргументировано доказать, что давление идеологии и политики на социум в годы позднего сталинизма действительно было избыточным и всесторонним. Идеология пропитывала все сферы жизни, в том числе и повседневность. Но, с другой стороны, повседневность обладает способностью «растворять», демистифицировать идеологию, отодвигать политические императивы на обочину жизни человека. Именно поэтому реалии послевоенного развития СССР не определяются одними только интенциями властей. Советское общество представляло собой «побочный», незапланированный результат вроде бы целенаправленной социальной инженерии. И у него не было другого автора, кроме всего общества в целом во всем многообразии проживаемых людьми социальных практик

Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941-1955 гг. М., 2008.

Боффа Дж. История советского союза. В 2-х т. Т.2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. М., 1990.

Волынец В.А. Экономическая политика СССР в 1945 – 1953 гг. и ее влияние на уровень жизни населения страны. М., 2002.

Гансон Н. Детская смертность и государственная политика в СССР в годы послевоенного голода // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2006. Вып. 17. С. 377 – 396.

Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938-1953: [Документы] / Авт. вступ. ст. и сост. Костырченко Г. - М, 2005.

Громов Е.С. Сталин: искусство и власть. М., 2003.

Гулаг: экономика принудительного труда / Соколов А.; Хлевнюк О., Эртц С., Отв. ред. Бородкин Л.- М, 2008.

Данилов А.А. И.В.Сталин в 1946 – 1953 гг.: новые источники и попытки осмысления // Историография сталинизма / под ред. Н.А.Симония. – М., 2007.

Добренко Е. Фундаментальный лексикон. Литература позднего сталинизма // Новый мир. 1990. № 2. С. 237–250.

Добренко Е. Политэкономия соцреализма. – М., 2007.

Есаков В., Левина Е. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001.

Зезина М.Р. Накануне оттепели // Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950 – 1960-е

Зима В.Ф. Голод в СССР в 1946 – 1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996.

Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945 – 1964. М., 1993.

Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953. М., 2000

Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940-1953. – М., 2008.

Ивкин В.И. Сталинские премии в СССР (1939 – 1956 гг.). – М., 2008

Исмаилов, Э.Р. оглы. Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане, 1945-1953. Баку , 2003 - 342 с.

Историки России: Послевоен. поколение / Сост. Л.В. Максакова М., 2000.

Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996.

Козлова Н.Н. Советские люди: сцены из истории. М., 2005.

Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы "послевоенного сталинизма" и "оттепели" (1945-1964). Кемерово, 2005

Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. - Пермь, 1993

- Лейбович О.Л.* В городе М: очерки политической повседневности советской провинции в сороковых – пятидесятых годах XX века. Пермь, 2005
- Люстигер А.* Сталин и евреи: трагическая история Еврейского антифашистского комитета и советских евреев. - М., 2008
- Москва послевоенная, 1945-1947.* - М., 2000.
- «*Особая папка В. М. Молотова: Из материалов секретариата НКВД-МВД СССР, 1944-1956 гг.* - М., 1994.
- «*Особая папка*» Л. П. Берии: Из материалов секретариата НКВД-МВД СССР, 1946-1949 гг. - М., 1996.
- Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, 1945-1953.* - М., 2002.
- Политбюро ЦК РКП(б)- ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919 – 1952.* каталог. Т. III. 1940 – 1952. - М., 2001.
- Полян П.М.* Жертвы двух диктатур : Жизнь, труд, унижение и смерть совет. военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2. изд., перераб. и доп. М., 2002.
- Попов В.П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны, 1946 – 1953. М., 2002.
- Пыжиков А.В.* Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 33 – 43;
- Ромашова М.В.* Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты, провинциальные практики (по материалам молотовской области). Диссертация... канд. ист. наук. Пермь. Пермский гос-й ун-т, 2006.
- Сенявская Е.С.* Фронтовое поколение, 1941 – 1945: историко-психологическое исследование. М., 1995;
- Сидорова Л.А.* Поколение как смена субкультур историков // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 38 – 53
- Сизов С.Г.* Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946-1964 гг. : (На материалах Зап. Сибири) : [В 2-х ч.] Омск. – 2004.
- Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: размышления о И.В. Сталине. М., 1990.
- Советская жизнь. 1945 – 1953.* - М., 2003.
- Специальные лагеря НКВД/МВД в Германии. 1945-1950 гг.* - М., 2001
- Сталин и космополитизм. 1945–1953: документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945 – 1953.* - М., 2005.
- Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы.* – М.: Наука, 1999.
- Суржикова Н В.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942-1956 гг.). Екатеринбург, 2006.
- Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде, 1945 – 1954 гг. М., 1999.
- Фатеев А.В.* Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР, (1930-е - 1950-е гг.). М., 2007.
- Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. 1940-е – 1960-е годы: история, теория и практики. – СПб.: м, 2008
- Хархордин О.* Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб., М., 2002
- Центр документации «Народный архив». Справочник по фондам / под ред. Б.С.Илизарова. – М., 1998.
- ЦК ВКП (б) и региональные комитеты, 1945 – 1953.* - М., 2004.
- Чашухин А.В.* Педагогический корпус в социальном пространстве формирующегося города (1950 – первая половина 1960-х гг.). – Диссертация... канд. ист. наук. Пермь. Пермский гос-й ун-т, 2006.
- Экштут С.А.* Предвестие свободы или 1000 дней после Победы. М., 2006.
- Янковская Г.А.* Искусство, деньги и политика: советский художник в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007.
- Baudin A.* Le réalisme Socialiste soviétique de la période jdanovienne (1947 – 1953): les Arts Plastiques et leurs institutions. Berlin, 1997. Vol 1.
- Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, 2002.
- Dunham V.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Durham, 1990.
- Duskin E.* Stalinist Reconstruction and the Confirmation of New Elite. New York, 2001
- Filtzer D.* The Standard of Living of Soviet Industrial Workers in the Immediate Postwar Period, 1945 – 1948 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51, N. 6, P. 1013 – 1038.
- Fitzpatrick Sh.* Wives Tales // *Fitzpatrick Sh* Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia. Princeton; Oxford. 2005 P. 240 – 261.
- Hahn W.* Postwar Soviet Politics: the Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946 – 1953. Ithaca;London, 1982.
- Hellbeck J.* Revoluyion on my mind: writing a diary under Stalin. – Cfmbridge; London, 2006.
- Late Stalinism: Russian Society between reconstruction and reinvention / ed. by J. Furst.* – London; New York: Routledge. – 2006

- Lynne V.* The Cold War in American Soviet Historiography and the End of the Soviet Union // *The Russian Review*. 2002. № 1. P. 25 – 39.
- Plamper J.* The Stalin Cult in Visual Art, 1929 – 1953. PHhD. University of California. Berkeley, 2001.
- Raleigh D.* Doing Soviet History: The Impact of the Archival Revolution // *The Russian Review*. 2002. № 1. P. 16 – 24.
- Reid S.* Destalinization and Remodernization of Soviet Art: the Search for a Contemporary Realism, 1953–1963: PhD. / S. Reid. Univ. of Pennsylvania. – 1996.
- Schlesinger R.* The Spirit of Postwar Russia: Soviet Ideology, 1917 – 1946. London, 1947;
- Stalinism and the «Great Retreat»* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. N. 4. P. 651 – 733.
- Swayze H.* Political Control of Literature in the USSR, 1946 – 1959. Harvard, 1962;
- The Landscape of Stalinism. The Art and Ideology of Soviet Space* / ed. by E. Dobrenko, E. Naiman. Seattle; London, 2003
- Timasheff N.* The Great Retreat: the Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1946.
- Tolz V.* «Cultural Bosses» as Patron and Clients: the Functioning of the Soviet Creative Unions in the Postwar Period // *the Contemporary European History*. 2002. Vol. 11, N 1. P. 87 – 105.
- Tomoff K.* Creative Union: The Professional Organization of Soviet Composers. 1939 – 1953. Ithaca, New York. 2006.
- The People's War: Responses to World War II in the Soviet Union*. Chicago, 2000; *Weiner A.* Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton; Oxford, 2001